

6. Federal'nyy zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ (red. ot 18.04.2018) "Ob osnovnykh garantiyakh izbitatel'nykh prav i prava na uchastiye v referendume grazhdan Rossiyskoy Federatsii" (Federal Law No. 67-FZ of 12.06.2002 (as amended on 18.04.2018) "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation") (s izm. i dop., vstup. v silu s 06.05.2018), *Rossiyskaya gazeta*, 2002, 15 iyunya.
7. Federal'nyy zakon ot 20.08.2004 № 113-FZ (red. ot 01.07.2017) "O prisyazhnykh zaseda-telyakh federal'nykh sudov obshchey yurisdiksii v Rossiyskoy Federatsii" (Federal Law No. 113-FZ of August 20, 2004 (as amended on July 1, 2017) "On jury members of federal courts of general jurisdiction in the Russian Federation"). *Rossiyskaya gazeta*, 2004, 25 avg.
8. Federal'nyy zakon ot 21 iyulya 2014 g. № 212-FZ "Ob osnovakh obshchestvennogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii" (Federal Law of July 21, 2014 No. 212-FZ "On the Basics of Public Control in the Russian Federation") (s izm. i dop., vstup. v silu s 29.12.2017), *Rossiyskaya gazeta*, 2014, 23 iyulya.
9. Cherdantsev A.F. *Teoriya gosudarstva i prava* (Theory of State and Law). Moscow, 2001.

Дата поступления: 29.05.2018

Received: 29.05.2018

УДК 340.1+34(091)

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

ПОЛИЩУК Николай Иванович

*доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, г. Рязань, Россия.
E-mail: nik-polishchuk@yandex.ru*

AXIOLOGICAL ESSENCE OF THE PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY

POLISHCHUK Nikolay Ivanovich

*Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia.
E-mail: nik-polishchuk@yandex.ru*

Вопрос о функциональной ценности принципа правовой определенности в современной правотворческой и правоприменительной политике государства на сегодняшний день остается в числе актуальных. Это обусловлено тем, что всякая правовая регламентация должна быть сформулирована достаточно определенно, исключая возможность двусмысленного понимания и толкования. Под правовой определенностью следует понимать юридически качественное единообразное изложение, понимание, толкование и реализацию нормативных правовых актов, способствующую субъектам правовых отношений заранее прогнозировать результат правовых последствий. Принцип правовой определенности – это базовый, системообразующий, общеправовой принцип, который диалектически дополняет и развивает иные общеправовые, межотраслевые и отраслевые принци-

The issue of the functional value of the principle of legal certainty in modern state lawmaking and law-enforcement policies remains today topical. This is due to the fact that any legal regulatory activity should be formulated quite definitely, excluding the possibility of ambiguous understanding and interpreting. Legal certainty should be understood as a legally qualitative uniform presentation, understanding, interpretation and implementation of normative legal acts, which promotes subjects of legal relations to predict the result of legal consequences in advance. The principle of legal certainty is a basic, system-forming, general legal principle that dialectically complements and develops other general legal, intersectoral and sectoral principles. The essence of other principles cannot be fully disclosed in isolation from it, since the implementation of any of

пы. Сущность иных принципов не может быть в полной мере раскрыта в отрыве от него, поскольку реализация любого из них всегда соизмеряется с принципом правовой определенности. Недостатки в сфере правовой определенности причиняют неудобства или вред не только конкретному человеку, группе лиц, коллективу или обществу, но и самому государству, поскольку низкая результативность принятых им правовых норм не способствует достижению поставленных целей и задач, компрометирует государственную власть, является экономически ущербной, а также порождает нигилистическое отношение к праву.

Ключевые слова: правовая определенность, согласованность правовых норм, коллизии, правовое регулирование, правотворчество, юридический текст, принципа правовой определенности.

them is always commensurate with the principle of legal certainty. Deficiencies in the field of legal certainty cause inconveniences or harm not only to a particular person, a group of persons, a collective or a society, but also to the state itself, since the low effectiveness of the legal norms it has adopted does not contribute to the achievement of the set goals and objectives, but compromises state power, is economically flawed, and also generates a nihilistic attitude to the law.

Key words: legal certainty, consistency of legal norms, collisions, legal regulation, lawmaking, legal text, principle of legal certainty.

На современном этапе развития Российского государства право является мощным средством закрепления, регулирования и охраны общественных отношений, складывающихся в результате жизнедеятельности людей. Именно оно, реализуясь через создаваемые на его основе правовые отношения, воздействует на поведение граждан, коллективов, общественных организаций, государственных органов и должностных лиц, обеспечивает решение глобальных и повседневных задач по формированию позитивных процессов развития государства, определяет изначальный базис и последующую динамику жизнедеятельности общества. Российское государство демократизируется, стремясь обеспечить верховенство закона, незыблемость основных прав и свобод человека, охрану законных интересов личности, закрепляет взаимную ответственность между собой и гражданами. Для того, чтобы сложилось объективное понимание и уважительное отношение к праву, прежде всего, необходимо наделить его качеством определенности, то есть точности и ясности изложенного в нем юридического предписания, поскольку, являясь реальной формой воплощения основополагающих правовых принципов и идей в межличностных и общественных отношениях, оно создает ту желаемую модель поведения людей, на которую направлен весь механизм правового регулирования.

В последние годы на страницах юридической печати ведутся активные дискуссии о необходимости более эффективной реализации принципа правовой определенности. В них на общетеоретическом и отраслевом уровнях анализируются глубинные процессы его бытия, обосновывается юридическая и социальная значимость, высказываются различные мнения о степени научного познания, практике реального применения и т.д. Данный подход вполне оправдан, так как на основе принципа правовой определенности реализуются остальные общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы. По своей сущности это базисный принцип, который диалектически дополняет и развивает иные общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы, обосновывает функциональную необходимость их существования, определяет пределы действия, формирует ценностно-правовые ориентиры и в итоге способствует торжеству принципа законности во всех сферах общественных отношений. Сущность иных принципов не может быть в полной мере раскрыта в отрыве от принципа правовой определенности, поскольку реализация любого из них всегда зависит от точности, ясности правового регулирования. «Два великих начала рождают, сопровождают и совершенствуют право и его механизм в обществе – разумность и определенность. Они выполняют уникальную роль, являясь началом права, его целью, принципом и свойством» [3, с. 11]. Принципы

как основополагающие идеи, исходные положения какой-нибудь теории, учения, мировоззрения в каждой науке имеют свою собственную специфику и соответствуют той области, из которой данный принцип абстрагирован. В нашем случае речь идет о правовых принципах, а это значит, что все они должны быть четко определены именно с правовых позиций, поскольку отсутствие таковых приведет к многочисленным коллизиям правовых норм и разнообразию в правоприменительной деятельности. Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, режим правовой определенности достигим только в условиях согласованности правовых норм. Противоречащие друг другу нормы порождают противоречивую правоприменительную практику, возможность произвольного их применения, ослабляют гарантии государственной защиты конституционных прав и свобод личности [4]. Следовательно, всякая правовая регламентация должна быть сформулирована достаточно определенно, исключая возможность двусмысленного понимания и толкования. Такой подход позволит избежать ошибок и злоупотреблений со стороны правоиспользователей и правоприменителей.

Исторически сложилось так, что феномен правовой определенности всегда становился актуальным в судьбоносные, переходные моменты в истории государства, которые, как правило, сопровождались кризисом понимания многих социально значимых явлений, переоценкой большинства сложившихся устоев общественной жизни и т. д. Неожиданные перемены, произошедшие в государственно-правовом устройстве нашей страны в 90-е годы прошлого столетия, негативно отразились на национальной правовой системе. Правовая политика в сфере правотворчества того периода характеризовалась спонтанностью, бессистемностью, непоследовательностью органов власти по формированию эффективного механизма юридического регулирования новых общественных отношений. Главенствующим признаком данного недостатка было отсутствие определенной системы целей, призванных реально отражать перспективу правовой, социальной, экономической, духовной, нравственной и иной жизни общества. Принимаемые в спешке на различных уровнях власти нормативные правовые акты были слабо проработаны, страдали внешней и внутренней несогласованностью, содержали множество правовых пробелов и коллизий.

Учитывая уроки прошлого, в современном правотворчестве достаточно большое внимание уделяется вопросам реального воплощения в жизнь принципа правовой определенности, поскольку точность и ясность законодательных предписаний, будучи неотъемлемым элементом верховенства права, выступает как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности в качестве необходимой гарантии обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания [5]. Интегрируя в правовое поле мировой цивилизации, Российская Федерация стремится строить свою национальную правовую систему таким образом, чтобы оптимально взаимодействовать с другими государствами и международным сообществом в целом, о чем свидетельствует конституционное признание ею общепризнанных принципов норм международного права, а также международных договоров России частью правовой системы (ст. 15 Конституции РФ).

Принцип правовой определенности, выполняя прогностическую функцию, с одной стороны, позволяет участникам правовых отношений более точно прогнозировать результаты своих юридических действий, с другой – гарантирует предсказуемость и стабильность будущих правовых действий. Следовательно, эффективная реализация данного принципа обеспечит постоянство механизма правового регулирования, который не будет меняться от усмотрения правоприменителя, региона, а также иных объективных и субъективных факторов. Более того, стабильность и предсказуемость правового регулирования делает национальную правовую систему устойчивой, то есть жизнеспособной, которая на протяжении длительного периода сохраняет законодательство способным создавать для граждан необходимые условия для нормальной жизнедеятельности. При этом изменения, происходящие в политической, экономической, культурной, духовной, нравственной и иных сферах общества, должны находить свое отражение в правотворческой деятельности государства. Стабильность правовой регламентации возможна лишь при сохранении базовых основ национальной системы права, в число которых входит и правовая определенность.

В отечественной юриспруденции в понимании правовой определенности доминируют точки зрения, высказанные учеными-процессуалистами [1,2,8,9], суть которых соотносится с позицией Европейского суда по правам человека, считающего, что сущность принципа правовой определенности заключается в том, что принятые судом окончательные судебные постановления не подлежат пересмотру; недопустимо повторное рассмотрение однажды разрешенного судом дела; ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного судебного решения только в целях проведения повторного слушания и получения нового решения; пересмотр окончательного судебного решения не является отступлением от принципа правовой определенности, если он осуществляется в целях исправления судебной ошибки, неправильного отправления правосудия; пересмотр не может быть скрытой формой обжалования, а наличие противоположных взглядов сторон на дела само по себе не может служить основанием для пересмотра окончательного судебного решения; пересмотр ставшего обязательным для сторон решения суда вышестоящим судом недопустим по заявлению государственного должностного лица; пересмотр окончательных решений, когда он допустим, должен быть ограничен определенным сроком [8, с. 70].

Мы полагаем, что данный подход к пониманию правовой определенности слишком заужен, так как кроме судов правоприменительной деятельностью занимаются и иные уполномоченные на то государством учреждения, органы, должностные лица и т.д. Более того, реализация правовых норм может быть осуществлена в непосредственных формах: соблюдения, исполнения и использования. Следовательно, правовая определенность должна четко указывать субъекту, какие правовые запреты он должен соблюдать, какие предписания исполнять и какие полномочия использовать, в противном случае вести речь о желаемых и одобряемых юридических действиях будет весьма проблематично. Кроме того, не следует забывать о том, что процессуально-правовые нормы призваны обслуживать материальные, главное предназначение которых состоит в регулировании общественных отношений с точки зрения их содержания, а процессуальные – обеспечивать реализацию материально-правового содержания в наиболее рациональной форме. Факт существования и взаимодействия в системе права двух видов нормативных предписаний (материальных и процессуальных) отражает диалектическое соотношение между содержанием и формой. Таким образом, наличие и регулятивное проявление процессуальных норм обусловлено только существованием материальных норм. Сущность процессуальных норм заключается в том, что они несут на себе основную нагрузку нормативного способа упорядочения правоприменительной деятельности. Следовательно, основа правовой определенности должна быть четко закреплена, прежде всего, в нормах материальных отраслей права, а четкая процедура, способствующая эффективному и справедливому достижению правового результата – в процессуальных.

Думается, что данная ситуация возникла в силу того, что на общетеоретическом уровне понятие, сущность, юридическая значимость и иные качества принципа правовой определенности пока разработаны достаточно слабо. Теория государства и права не обеспечила отраслевые юридические науки методологической составляющей, в результате чего отсутствует единство подходов в определении базовых исследовательских начал данного феномена. Следует отметить, что данный недочет негативно сказывается на правотворческой деятельности, порождая нежелательные коллизии между правовыми нормами, содержащимися как в Основном Законе страны, так и в отраслевом законодательстве. Например, ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации, признавая естественный характер прав человека, устанавливает, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Следовательно, до наступления момента живорождения эмбрион (плод) не может обладать комплексом общегражданских прав, так как для их реализации необходим сам юридический факт его рождения, на который непосредственно указывает основной закон страны и с которым связывает возникновение, изменение и прекращение правовых отношений. Вместе с тем, сравнивая данное конституционное установление с действующими нормами иных отраслей отечественного права, можно обнаружить совершенно обратную ситуацию. Налицо классическая правовая коллизия, характеризующаяся расхождениями и противоречиями от-

дельных нормативных правовых актов, регулирующих одни и те же, либо смежные общественные отношения. Более того, игнорирование отраслевыми нормами конституционного императива привело к частичному рассогласованию отечественной правовой системы.

Например, в ст. 1116 ГК РФ закреплено, что «к наследованию могут призываться граждане, находящиеся в живых в день открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства». Как видим, данная правовая норма, в отличие от Конституции Российской Федерации, защищает наследственные права еще не родившегося человека. Согласно п. 2 ст. 7 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» правом на получение страховых выплат в случае смерти застрахованного в результате наступления страхового случая обладает ребенок умершего, родившийся после его смерти. Следовательно, в данном нормативном правовом акте также закрепляется право еще не родившегося ребенка на обеспечение по страхованию.

Однако особое обилие коллизионных норм, защищающих основные права еще не рожденного человека, наблюдается в отечественном трудовом праве. Формируя гарантии беременным женщинам, Трудовой кодекс Российской Федерации запрещает работодателю: отказывать в заключении трудового договора по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей (ст. 64 ТК РФ); устанавливать испытание при приеме на работу беременных женщин (ст. 70 ТК РФ); привлекать к работе в ночное время (с 22 до 6 часов) (ст. 96 ТК РФ); привлекать к сверхурочной работе (ст. 99 ТК РФ); отзывать беременную женщину из отпуска при любых обстоятельствах (ст. 125 ТК РФ); заменять отпуск беременным женщинам денежной компенсацией (ст. 126 ТК РФ); расторгать трудовой договор по инициативе работодателя, за исключением случаев ликвидации организации (ст. 261 ТК РФ); привлекать к работам, выполняемым вахтовым методом, беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 3 лет (ст. 298 ТК РФ). Кроме того, государство гарантирует сохранение беременной женщине среднего заработка при прохождении обязательного диспансерного обследования (ст. 254 ТК РФ), предоставляет ей возможность работать неполный рабочий день или неполную рабочую неделю с оплатой пропорционально отработанному времени или в зависимости от выполненного объема работ (ст. 93 ТК РФ). Подобные правовые гарантии содержатся в ст. 123, 253, 254, 255, 260 и др. Трудового кодекса Российской Федерации. Следует отметить, что аналогичные коллизионные нормы присутствуют и в Уголовном кодексе РФ. Например, ч. 1 ст. 82 УК РФ предусматривает возможность отсрочки отбывания наказания осужденным беременным женщинам. Срок беременности значения не имеет. Согласно ст. 63 УК РФ обстоятельством, отягчающим наказание, считается совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. В ст. 105 УК РФ закрепляется повышенная общественная опасность убийства женщины, находящейся в состоянии беременности, так как это обусловлено более высокой социальной сущностью объекта посягательства.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) также характеризуется избытком правовых норм, направленных на защиту прав еще не рожденного человека. Так, в ст. 20 УИК РФ говорится, что суд контролирует исполнение наказаний при решении вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного, об отсрочке отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, а также об изменении вида исправительного учреждения (ст. 177 УИК РФ). Осужденные беременные женщины, осужденные женщины, имеющие при себе детей, могут приобретать продукты питания и предметы первой необходимости за счет средств, имеющихся на их лицевых счетах, без ограничения (ст. 88 УИК РФ). В ст. 99 УИК РФ, регуливающей материально-бытовое обеспечение осужденных к лишению свободы, закреплено, что осужденным беременным женщинам и осужденным кормящим матерям на период освобождения от работы питание предоставляется бесплатно. Им создаются улучшенные жилищно-бытовые условия и устанавливаются повышенные нормы питания. Осужденные беременные женщины и осужденные кормящие матери

могут получать дополнительно продовольственные посылки и передачи в количестве и ассортименте, определяемых медицинским заключением. Осужденным беременным женщинам, осужденным женщинам во время родов и в послеродовой период оказывается специализированная медицинская помощь (ст. 100 УИК РФ). Подобные коллизионные нормы, защищающие права еще не родившегося человека, встречаются в других нормативных правовых актах Российской Федерации [6, с. 10-17].

Таким образом, налицо противоречие между Основным Законом государства и нижестоящими нормативными правовыми актами, так как в трудовом, уголовном, уголовно-исполнительном, гражданском и других отраслях отечественного права будущая жизнь человека выступает в качестве охраняемого объекта. Исследуя практическую составляющую правовой определенности, можно привести и ряд иных примеров, которые наглядно демонстрируют прорехи, наступающие в результате ее игнорирования. Часто в национальной правовой системе возникают парадоксальные ситуации, когда субъекты, издающие подзаконные нормативные правовые акты или осуществляющие их толкование, не учитывают правовые предписания как Конституции РФ, так иных федеральных законов имеющими высшую юридическую силу. В частности, это прослеживается на примере пресловутого моратория на смертную казнь, наличие которого периодически довольно бурно обсуждается в нашем обществе. Как известно, при вступлении в Совет Европы Российская Федерация приняла на себя обязательства привести национальное законодательство в соответствие с общепринятыми международными нормами и стандартами. Наряду с другими требованиями необходимо было подписать и ратифицировать Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека от 4 ноября 1950 г, предусматривающий, что государства – члены Совета Европы отменяют смертную казнь, сохраняя возможность ее применения в законе только в военное время. Исполняя принятые обязательства 16 мая 1996 г. Президент РФ подписал Указ № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» и издал распоряжение от 27 февраля 1997 г. № 53-рп «О подписании Протокола № 6 (относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 г. к Конвенции о защите прав и основных свобод человека от 4 ноября 1950 г.».

Конституция РФ устанавливает, что ратификация международных договоров осуществляется в форме федерального закона, который подлежит обязательному рассмотрению в Совете Федерального Собрания. Особо следует отметить, что Федеральное Собрание РФ до сих пор так и не ратифицировало Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека. Примечательно, что в этой ситуации Россия продолжает придерживаться моратория на исполнение смертных приговоров. В настоящее время суды Российской Федерации используют в качестве альтернативы исключительной меры наказания пожизненное лишение свободы или лишение свободы на срок 25 лет. Основанием, препятствующим применению высшей меры наказания, являются Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» и Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года "О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях"».

Таким образом, в России действуют два моратория на применение смертной казни, введенные Президентом РФ и Конституционным Судом Российской Федерации. Именно они жестко не рекомендуют судам приговаривать преступников к высшей мере наказания. Недостатком указанных документов является и то, что они не дают нам четкого представления о правовой сущности моратория на смертную казнь, не раскрывают его понятие, содержание, функции, цели, задачи и другие аспекты данного правового института. Для нас совершенно

неясно, что это такое: отсрочка исполнения наказания, акт амнистии, помилование или что-то среднее между ними, до конца не сформулированное и юридически не оформленное. К сожалению, ни Президент, ни Конституционный Суд Российской Федерации не дают четкого ответа на данный вопрос. Более того, как уже отмечалось выше, согласно иерархии нормативных правовых актов, Указ Президента имеет меньшую юридическую силу, а Постановление Конституционного Суда вообще является актом толкования права. Настораживает и тот факт, что в п. 5 своего Определения от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р Конституционный Суд РФ, превышая свои полномочия, вторгается в независимое правосудие и настойчиво навязывает свое не единогласное мнение, судам общей юрисдикции, всенародно заявляя, что «решения Конституционного Суда Российской Федерации – учитывая неоднозначное понимание в судебной практике юридической силы подписанного, но не ратифицированного Протокола № 6 – предотвращали возможность назначения судами смертной казни».

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в решении данного вопроса Конституционный Суд РФ стремится придать своим решениям (постановлениям и определениям) юридическую силу, превосходящую как саму Конституцию, слугой которой он является, так и федеральные законы [7, с. 68-74]. Например, в п. 7 Определения сказано, что «в результате столь продолжительного по времени действия моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого – с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя РФ, – происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания». В связи с этим возникают вполне закономерные вопросы: о каком моратории идет речь? Каким нормативным правовым актом Российской Федерации он установлен? Кто и когда его принимал? Где он опубликован? В данных случаях принцип правовой определенности не только не соблюдается, но и цинично попирается, следовательно, все остальные базовые принципы не могут быть реализованы в полном объеме, а некоторые вообще лишены здравого смысла. Например, для эффективной реализации принципа гуманизма необходимо на законодательном уровне сформировать его основополагающую идею, определить цели и задачи, установить пределы человечности (действия), обозначить круг всех субъектов, на которых законодатель желает распространять его действие, и т.д.

К сожалению, из-за несовершенства правовой определенности в современном отечественном законодательстве прослеживается пагубная тенденция, согласно которой действие принципа гуманизма обращено в сторону лица, преступившего закон. Под влиянием свободных средств массовой информации, различного рода отечественных и зарубежных правозащитных организаций и находящихся рядом с ними сателлитов, а также других аналогичных субъектов на законодательном и правоприменительном уровнях происходит заигрывание и искажение гуманистических ценностей. В результате этого лица, совершившие различного рода правонарушения, в том числе и преступления, избегают заслуженного наказания. Судебно-следственная статистика содержит множество фактов, когда пробелы в правовой определенности позволяют правоприменителям различного уровня, прикрываясь принципом гуманизма, ссылаясь на мнение отдельной группы лиц или свое личное убеждение, назначать наказание, не соразмерное правонарушению (условно, ниже низшего предела), а то и вообще освобождать от юридической ответственности. Примером тому могут служить многочисленные нарушения правил дорожного движения золотой молодежью Москвы и других городов нашей страны, которая, имея десятки, а иногда и сотни неоплаченных штрафов, продолжает гонять на дорогах иномарках по Рублевскому шоссе, ступенькам МГУ, пешеходным дорожкам, газонам парков, нагло игнорируя интересы общественности и требования сотрудников правоохранительных органов. Резюмируя изложенное, следует отметить, что исходя из философско-правового понимания определенность – это свойство правильного мышления, которое находит свое выражение в точности и ясности мысли, отсутствии сбивчивости и путаницы в элементах мысли и самих мыслях.

Следовательно, сущность правовой определенности заключается в правильности формулирования, восприятия и реализации правовых норм с целью наделения их ясностью, точ-

ностью, согласованностью и устойчивостью. К обязательным признакам принципа правовой определенности можно отнести следующие элементы:

- разумность в формировании целей и задач механизма правового регулирования общественных отношений;
- точность, ясность и понятность юридических предписаний, устанавливающих верховенство права;
- системность и согласованность правовых норм;
- осведомленность гражданина относительно действующих нормативных правовых актов;
- единообразное применение нормативных правовых актов в пространстве, во времени и по кругу лиц;
- предсказуемость, стабильность и ясность правовых последствий;
- понятность механизма реализации права;
- стабильное функционирование национальной правовой системы.

Под правовой определенностью следует понимать юридически качественное единообразное изложение, понимание, толкование и реализацию нормативных правовых актов, способствующую субъектам правовых отношений заранее прогнозировать результат правовых последствий. Принцип правовой определенности – это базовый, системообразующий, общеправовой принцип, который диалектически дополняет и развивает иные общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы, обосновывает их функциональную необходимость, устанавливает точность, ясность и понятность юридических предписаний, определяет порядок и пределы их действия. Сущность иных принципов не может быть в полной мере раскрыта в отрыве от него, поскольку реализация любого из них всегда соотносится с феноменом принципа правовой определенности.

Проведенное исследование позволяет нам говорить о том, что недостатки в сфере правовой определенности причиняют неудобства или вред не только конкретному человеку, группе лиц, коллективу или обществу, но и самому государству, поскольку низкая результативность принятых им правовых норм не способствует достижению поставленных целей и задач, компрометирует государственную власть, является экономически ущербной, а также порождает нигилистическое отношение к праву – эффективному регулятору общественных отношений, призванному защищать тех, кто его соблюдает.

Библиографические ссылки

1. Анишина В.И., Назаренко Т.Н. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 2. С. 40-47.
2. Аширбекова М.Т., Омарова А.С. Новая кассация в призме действия принципа правовой определенности // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 61-63.
3. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М., 2015.
4. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П. Ст. 2804 // СПС «Консультант Плюс».
5. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П // Собрание законодательства РФ. 2008. № 24. Ст. 2892.
6. Полищук Н.И. Дуализм подходов в вопросах определения момента обретения основных прав человека в Российской Федерации // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». Выпуск № 10:

- науч.-практ. журн. Рязань : Академия ФСИН России, 2017. С. 10-17.
7. Полищук Н.И. Мораторий на смертную казнь и его легитимность // Государство и право. 2015. № 2 С. 68-74.
8. Рукавишникова (Плашевская) А.А. Генезис категории «правовая определенность» в современной юридической науке // Вестн. Том. Гос. ун-та. Право. 2014. № 3 (13).
9. Рукавишникова (Плашевская) А.А. Генезис категории «правовая определенность» в современной юридической науке // Вестн. Том. Гос. ун-та. Право. 2014. № 3 (13) С. 70.
10. Султанов А.Р. Правовая определенность – часть должной правовой процедуры или как в закон об экстремизме правовую определенность вводили // Адвокат. 2015. № 1. С. 5-17.

References

1. Anishina V.I., Nazarenko T.N. Realizatsiya printsipa pravovoy opredelennosti v rossiyskoy sudebnoy sisteme (Realization of the principle of legal certainty in the Russian judicial system), *Nauka i obrazovaniye: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravleniye*, 2013, No. 2, pp. 40-47.
2. Ashirbekova M.T., Omarova A.S. Novaya kassatsiya v prizme deystviya printsipa pravovoy opredelennosti (New cassation in the prism of the principle of legal certainty), *Rossiyskaya yustitsiya*, 2012, No. 6, pp. 61-63.
3. Vlasenko N.A. Razumnost' i opredelennost' v pravovom regulirovani (Reasonability and certainty in legal regulation). Moscow, 2015.
4. Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy statey 7, 15, 107, 234 i 450 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoy Dumy: Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 29 iyunya 2004 g. No. 13-P. St. 2804 (In the case on the verification of the constitutionality of certain provisions of articles 7, 15, 107, 234 and 450 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 13-P of June 29, 2004. Art. 2804), *SPS «Konsul'tant Plyus»*.
5. Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniya chasti pervoy stat'i 188 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanki M.A. Aslamazyan: Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 27 maya 2008 g. No. 8-P (In the case on the verification of the constitutionality of the provision of part one of Article 188 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen M.A. Aslamazyan: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 27, 2008 No. 8-P), *Sobraniye zakonodatel'stva RF*. 2008. No. 24. St. 2892.
6. Polishchuk N.I. Dualizm podkhodov v voprosakh opredeleniya momenta obreteniya osnovnykh prav cheloveka v Rossiyskoy Federatsii (The dualism of approaches in questions of determining the moment of obtaining fundamental human rights in the Russian Federation), *Vestnik obshchestvennoy nauchno-issledovatel'skoy laboratorii «Vzaimodeystviye ugolovno-ispolnitel'noy sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovyye i teoretiko-metodologicheskiye aspekty»*. Vypusk No. 10, nauch.-prakt. zhurn. Ryazan', Akademiya FSIN Rossii, 2017, pp. 10-17.
7. Polishchuk N.I. Moratoriy na smertnyuyu kazn' i yego legitimnost' (Moratorium on the death penalty and its legitimacy), *Gosudarstvo i pravo*, 2015, No. 2, pp. 68-74.
8. Rukavishnikova (Plashevskaya) A.A. Genezis kategorii «pravovaya opredelennost'» v sovremennoy yuridicheskoy nauke (Genesis of the category “legal certainty” in modern legal science), *Vestn. Tom. Gos. un-ta. Pravo*, 2014, No. 3 (13).
9. Rukavishnikova (Plashevskaya) A.A. Genezis kategorii «pravovaya opredelennost'» v sovremennoy yuridicheskoy nauke (Genesis of the category “legal certainty” in modern legal science), *Vestn. Tom. Gos. un-ta. Pravo*, 2014, No. 3 (13), p. 70.
10. Sultanov A. R. Pravovaya opredelennost' – chast' dolzhnoy pravovoy protsedury ili kak v zakon ob ekstremizme pravovuyu opredelennost' vvodili (Legal certainty is a part of due legal procedure or how legal certainty was introduced in the law of extremism), *Advokat*, 2015, No. 1, pp. 5-17.

Дата поступления: 20.06.2018

Received: 20.06.2018